

требованность не вызывает сомнения. Как не вызывает сомнения и определяющий вклад Льва Дмитриевича в ее создание.

А вот еще один пример. Для проведения важных экспериментов по изучению свойств материалов при больших ударных нагрузках нужен был сверхпластичный материал. Его могли изготовить на единственном в стране предприятии ВНИИ им. Бочвара. В это время Лев Дмитриевич уже не был руководящим работником Минатома. Мы рассказали ему о своей проблеме. Он коротко отреагировал: «Приезжайте». Итог таков: Лев Дмитриевич договорился с директором института о приеме представителей ВНИИЭФ. Мы подготовили соответствующие технические условия, которым должен был соответствовать новый материал. Наши условия на изготовление образцов были приняты. В кратчайшие сроки образцы были изготовлены и в качестве технической помощи поставлены во ВНИИЭФ для проведения необходимых опытов.

Вспоминается, как одному нашему коллеге задерживали изготовление экспериментального узла на заводе по НИРовской тематике. Как подтолкнуть сроки изготовления? Все «доступные» средства были уже израсходованы. Что делать? Остается Рябев. Но заказ-то пустяковый, и просить Л. Д. о «нажиге» неудобно. И тогда коллега придумал такой способ: попросил директора о простой услуге — позвонить в производственный отдел завода и просто поинтересоваться, как дела с этим заказом. Просто поинтересоваться! И этого оказалось достаточно, чтобы узел вскоре был изготовлен.

Примеры воздействия Рябева Л. Д. на производственный процесс можно продолжать еще очень долго.

ОСИПОВ Роберт Степанович —
ведущий научный сотрудник
ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ,
кандидат физ.-мат. наук

ОЧЕНЬ ЗАНЯТОЙ, НО ДОСТУПНЫЙ НАЧАЛЬНИК

Н. Н. БЕЗНАСЮК

В начале 70-х гг., когда активно формировался коллектив оптико-лазерного сектора и его тематика, определенная решениями ВПК, нам приходилось очень много ездить на различные совещания в министерства и ведомства по созданию кооперации вокруг нового лазерного направления. Главным министерством было определено Миноборонпром (МОП) с его 8-м Управлением. Там были сосредоточены все основные ресурсы по оптическому стеклу, которое нас интересовало в первую очередь.

Заводы МОПа очень быстро и качественно освоили эти изделия на своих предприятиях, особенно в Лыткарино, где когда-то изготовили 6-метровый телескоп, сумев отлить и правильно остудить уникальные линзы, а мы очень нуждались в оптических резонаторах для гене-

раторов $\varnothing 1300$, $\varnothing 1200$ и меньших размеров, но в больших количествах, поскольку генераторы были взрывные, а стало быть, уничтожаемые в каждом опыте.

В МОПе обычно на таких совещаниях «утра-сались» заявки предприятий по поставке оптики. Так было и на этот раз. В совещании участвовал наш директор Лев Дмитриевич Рябев.

Мы после окончания совещания расходились кто куда, а я любил в это время перейти площадь Маяковского и оказаться сразу среди многих театров: Сатиры, Моссовета, Современника, Большого зала П. И. Чайковского — куда-нибудь билет да найдется. Лев Дмитриевич тоже шел в театр. Так мы оба оказались в театре Сатиры, где давали «Безумный день, или женитьба Фигаро» — современный спектакль на классическую тему с Мироновым в главной роли.

Фигаро отпускал в зал почти скабрзные шуточки московского типа, отчего мне даже стало не по себе. Лев Дмитриевич, высокий моралист, партийный руководитель, вернувшийся в институт из обкома на руководящую работу, чувствовал себя очень неуютно, мягко говоря. «Аж пот на лбу выступил!»

А Фигаро продолжал говорить в зал пошлости о неверности жен командированных, он сейчас их навестит и проверит на неверность...

После спектакля, еще некоторое время беседуя, Лев Дмитриевич осторожно ушел от этой малоинтересной ему темы, но игрой артистов мы были очень довольны.

Когда Рябев работал в бюро ГК ВЛКСМ, будучи секретарем ГК КПСС, мы чувствовали его опеку, старшего и высококонраственного человека, скромного и стойкого партийца, который очень положительно влиял на комсомольских лидеров того времени.

Однажды, когда Борис Глебович Музруков уже отошел от дел, Лев Дмитриевич организовал посещение математического отделения, где строилось новое здание. Он показывал новые машины, технику, удобные отдельные помещения для теоретиков-математиков. Иван Денисович Софронов, Юрий Алексеевич Трутнев охотно

рассказывали Борису Глебовичу о продвижении начатой им работы на площадке, что очень радовало Бориса Глебовича. Сдержанно радовался и Лев Дмитриевич, наблюдая, как загорались глаза Музрукова от гордости за результаты многолетней деятельности научного коллектива.

Льву Дмитриевичу довелось многое испытать в жизни, когда был заместителем Председателя СМ СССР.

Во времена путча я встретился в министерстве с Ю. А. Трутневым. Мы поговорили о своих делах и решили пойти ко Льву Дмитриевичу. Юрию Алексеевичу хотелось кое о чем посоветоваться с Рябевым, а я хотел показать ему материалы по утилизации военной техники, которые мы подготовили комиссии Госплана, куда нас направил В. А. Белугин, и где мы работали довольно длительное время.

В коридоре, приемной и кабинете Льва Дмитриевича стояла какая-то странная тишина, но он как всегда работал. Наш визит был для него неожиданным и желанным. Мы появились в то время, когда в стране и во власти царилась большая смута, но, несгибаемый и принципиальный, Лев Дмитриевич до конца нес свою вахту.

За время нашего визита не раздалось ни единого звонка ни по одному телефонному аппарату в кабинете зампреда. Доброжелательно раскланявшись, удовлетворенные состоявшейся встречей, мы удалились, а по дороге еще обсуждали нелегкое положение Л. Д. Рябева на этом посту.

Приходя по любому поводу ко Льву Дмитриевичу, надо знать значительно больше, чем просто содержание документов. Подписывая проектное или техническое задание на установку, он неожиданно мог спросить: «Ну, хорошо, «Искра-5» закончится. Что Вы будете делать с установкой и

этим заданием?» — «Лев Дмитриевич, — отвечаю без запинки, — на очереди большой комплекс по созданию, желательно на тех же площадях, йод-кислородного мегаваттника, который может использовать многие коммуникации «Искры» и очень нужен как мощный непрерывный инструмент. Не строить же еще один огромный дом — надо использовать наши возможности, о которых, как вы знаете, еще мечтал Кормер С. Б.»

«Ну вот, уже скоро 30 лет как нет Самуила Борисовича, а Вы закрываетесь его идеями и планами», — отвечает он, как бы одобряя мое оправдание.

Лев Дмитриевич очень занятой человек, но всегда доступный. Вечером, после работы, в министерстве можно было без договоренности, когда уже нет в приемной секретарши, охраняющей покой руководителя, постучавшись, войти в кабинет, извиниться и решить нужный вопрос или подписать срочный документ. Это очень важно!

БЕЗНАСЮК Николай Николаевич —
главный инженер ИЛФИ
РФЯЦ-ВНИИЭФ (до 2008 г.)

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ДИРЕКТОРОМ

Н. А. ВОЛКОВА

Я попала во ВНИИЭФ по распределению после окончания физического факультета Московского государственного университета в 1969 г. В тот год нас — выпускников — приехало относительно много: около 20 человек. Кто-то попал в теоретические отделения, кто-то стал работать в отделении ядерно-физических исследований, а несколько человек взяли во вновь создаваемое отделение лазерно-физических исследований. В это отделение попала и я. Руководил этим отделением прекрасный физик, отличный руководитель и организатор Самуил Борисович Кормер. У него была своя методика работы с молодыми специалистами. В первые три месяца работы он давал им полную свободу действий и словно не замечал их. Молодой специалист волен был проявить себя в чем-то, а Самуил Борисович, как оказалось, очень внимательно наблюдал за каждым. Молодые люди вели себя по-разному: кто увлекался экспериментальными установками и проявлял интерес к практической работе, кто-то тянулся к теоретическим направлениям работы, изучая теорию вопросов, решая новые интересные и сложные задачи, которые возникали во время работы. Одни сразу проявляли самостоятельность в своей деятельности, а кто-то ждал указаний сверху. После такого «плавания» Самуил Борисович беседовал с каждым молодым специалистом и определял, куда лучше распределить людей. Кто-то выдерживал такую проверку и оставался работать в отделении на долгие

годы, а кто-то начинал искать себе другую работу. В результате в отделении сложился коллектив, способный решать сложнейшие задачи.

В университете нам дополнительно давали очень хорошую языковую подготовку. Кроме обязательного английского языка, студенты могли факультативно изучать и другие языки: французский, немецкий, чем я и воспользовалась, изучая факультативно французский язык.

В МГУ уже в 60-е гг. была очень хорошая по тем временам вычислительная техника и имела очень сильная кафедра информатики, которую возглавлял директор ВИНТИ (Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР) Михайлов.

Он создал очень хорошую по тем временам автоматизированную систему научно-технической информации, которая обеспечивала реферативной информацией все естественные факультеты (механико-математический, физический, химический, биолого-почвенный и т. д.). По этой системе все студенты старших курсов после получения темы дипломной работы могли воспользоваться этими материалами. Нужно было указать тему дипломной работы, факультет, кафедру, руководителя работы и ключевые слова и направить свою заявку на кафедру информатики. Ежедневно по указанному адресу поступала научная информация по запрашиваемой теме. Если статья заинтересовала студента, то он мог запро-